

Особняк Куракиных

О.Ю.

Наследники Арбата. Книга четвёртая

Надежда Чародейская

Надежда Чародейская Особняк Куракиных

<https://litres.ru/74197917>

SelfPub; 2026

Аннотация

Кирилл Громов всю жизнь прожил в тени отца. Вадим Громов считался предателем, разрушившим партнёрство с семьёй Воронцовых. Но когда в отреставрированном особняке Куракиных находят тайную комнату с документами Братства хранителей, всё меняется.

В комнате — письмо Вадима, адресованное сыновьям. Он пишет, что его смерть не была случайной, и оставляет три ключа, ведущие к разгадке. Вместе с женой Мариной, следователем по экономическим преступлениям, Кирилл начинает расследование.

Три ключа, три тайника, три десятилетия молчания. Пока Кирилл ищет правду об отце, Марина выходит на след людей, которые до сих пор обладают властью и не остановятся ни перед чем, чтобы скрыть прошлое.

Это история о наследии, которое ты не выбирал, и о выборе, который делаешь сам. О семье, собранной из осколков. О правде, которая стоит дороже лжи.

Содержание

Пролог	4
Глава 1. Ключ	21
Глава 2. Сад	37
Конец ознакомительного фрагмента.	50

Особняк Куракиных

Пролог

Москва, Пречистенка, особняк Воронцовых
Январь, спустя две недели после Нового года

Кирилл Громов стоял у окна в библиотеке и смотрел, как снег засыпает старый сад. Он любил это время суток — раннее утро, когда дом ещё спит, а ты можешь побыть наедине со своими мыслями. Мысли, правда, в последнее время были не самыми приятными.

Прошёл почти год с тех пор, как он передал управление «Гром-Девелопментом» брату и сам стал частью «Синего особняка». Год, за который он из разрушителя превратился в строителя. Из человека, который выполнял приказы отца, в человека, который сам принимает решения. Из одиночки, каким он был большую часть жизни, в мужчину, который каждое утро просыпается рядом с любимой женщиной.

Марина ещё спала — сегодня у неё был выходной, редкий день, когда она могла позволить себе не думать о расследованиях, допросах и протоколах. Кирилл оставил ей записку

на подушке: «Ушёл в офис. Вернусь к обеду. Кофе в термосе. Люблю». Последнее слово он дописывал долго, глядя на спящую Марину и всё ещё не веря, что она здесь. С ним. Что она выбрала его — замкнутого, молчаливого, с грузом семейных тайн за плечами.

Он налил себе кофе и уже собирался выходить, когда в кармане завибрировал телефон. Номер был незнакомым, но что-то заставило его ответить.

— Кирилл Вадимович Громов? — голос был мужским, сухим, официальным.

— Да. Кто это?

— Майор Кузнецов, Следственный комитет. Вы не могли бы подъехать? У нас появились новые обстоятельства по делу о гибели вашего отца.

Кирилл замер. Вадим Громов умер три года назад от инсульта. Официальная версия не вызывала сомнений — большое сердце, давление, возраст. Какие могли быть «новые обстоятельства»?

— Что вы имеете в виду? — спросил он, стараясь, чтобы голос звучал ровно.

— Я бы предпочёл поговорить лично. Дело деликатное. Приезжайте на Таганку, кабинет триста двенадцать. Сегодня, если сможете.

— Буду через час.

Он отключился и несколько секунд стоял неподвижно. Затем набрал Матвея.

— Брат, у нас проблема. Кажется, отец умер не своей смертью.

Особняк Куракиных, восточный флигель
Тем же утром, 8:30

Вера Воронцова стояла посреди восточного флигеля особняка Куракиных и смотрела на стену, которую рабочие расчищали последние три дня. Реставрация близилась к завершению — фасад уже сиял отреставрированной лепниной, паркет был натёрт, кафельные печи восстановлены. Оставались последние штрихи — и вот, когда сняли позднюю перегородку, обнаружилось то, чего никто не ждал.

Дверь.

Небольшая, замаскированная под панель, с едва заметными петлями. Вера провела рукой по дереву — дуб, старый, потемневший от времени. Замок отсутствовал, но дверь не поддавалась. Её держал какой-то внутренний механизм.

— Открывайте, — скомандовала она.

Рабочие осторожно поддели дверь ломami. Та подалась с протяжным скрипом, и в лицо пахнуло сухим, спёртым воздухом — воздухом, который не тревожили десятилетиями, а может, и веками.

За дверью оказалась комната. Не подвал, не подземный ход — комната. Небольшая, метров пятнадцать, с окном, заложённым кирпичом. Вдоль стен — стеллажи. На стеллажах — книги, папки, коробки. А в центре — письменный стол, на котором стояла старая лампа под зелёным абажуром, точно такая же, как в архиве особняка Воронцовых. И фотография в рамке.

Вера подошла ближе. Фотография была старой, чёрно-белой. На ней — трое мужчин. Одного она узнала сразу: Виктор Воронцов, её дед, молодой, с горящими глазами, стоит слева. Второго узнала тоже — Вадим Громов, отец Матвея, в центре, улыбается той самой улыбкой, которую она так хорошо помнила по детству. А третий... Третий был ей незна-

ком. Высокий, с окладистой бородой, в старомодном сюртуке. Он держал в руках книгу, и на обложке угадывался герб, разделённый на три части.

— Кто это? — спросила она, указывая на третьего.

Никто не ответил. Рабочие переглядывались.

Вера перевернула фотографию. На обороте была надпись — выцветшая, сделанная чернилами:

«Хранители. Москва, 1989 год. В.В., В.Г., А.К. Мы помним. Мы продолжаем».

А.К. Кто такой А.К.?

Она достала телефон и набрала Марьяну.

— Мара, ты нужна мне в Куракинских. Срочно. Кажется, мы нашли что-то важное.

Следственный комитет, Таганка

10:00

Майор Кузнецов оказался молодым, подтянутым, с цепким взглядом и привычкой говорить коротко, без лишних

слов. Он провёл Кирилла в кабинет — стандартный, казённый, с портретом президента на стене и металлическим шкафом в углу — и сразу перешёл к делу.

— Три года назад ваш отец, Вадим Громов, скончался от обширного инсульта. Дело было закрыто без проведения дополнительных экспертиз — смерть выглядела естественной. Однако две недели назад мы получили анонимное письмо. В нём утверждалось, что Громов-старший был отравлен.

— Отравлен? — Кирилл почувствовал, как внутри всё холодеет.

— Да. Веществом, которое вызывает симптомы, схожие с инсультом. Оно не определяется стандартными тестами. Нужна эксгумация.

— Вы хотите эксгумировать отца?

— Решение за вами и вашим братом. Без согласия родственников мы не имеем права.

Кирилл долго молчал. Эксгумация — это значит потревожить покой отца. Человека, которого он, с одной стороны, ненавидел за всё, что тот сделал, а с другой — любил. Потому что, несмотря ни на что, это был его отец.

— Почему вы получили это письмо только сейчас? — спросил он наконец. — Почему не три года назад?

— Аноним утверждает, что боялся. Что только теперь, когда «Гром-Девелопмент» перестал существовать в прежнем виде, а вы с братом отошли от дел, он решился. — Кузнецов помедлил. — И ещё кое-что. В письме упоминается Братство хранителей. Вы знаете, что это?

Кирилл замер. Братство хранителей. То самое тайное общество, которое Марьяна и Вера раскопали за последний год. К которому принадлежали купцы, архитекторы, реставраторы по всей стране. К которому, как выяснилось, имел отношение его прадед.

— Знаю, — сказал он. — Мой отец тоже был членом Братства. По крайней мере, так следует из документов, которые мы нашли.

— Вот как. — Кузнецов сделал пометку в блокноте. — Это меняет дело.

— Что вы имеете в виду?

— Аноним утверждает, что вашего отца убили именно из-

за его связи с Братством. Что он узнал нечто, чего не должен был знать. И что люди, которые это сделали, всё ещё на свободе.

Кирилл почувствовал, как по спине пробежал холодок. Он вспомнил письмо отца, найденное в тайной комнате Куракинских. Вспомнил слова: «Я знаю, кто за этим стоит. Если со мной что-то случится — ищите в архивах. Там правда».

— Я должен поговорить с братом, — сказал он. — И с остальной семьёй.

— Разумеется. Но не затягивайте. Если ваш отец действительно был убит — те, кто это сделал, могут попытаться замести следы.

Кирилл кивнул и вышел из кабинета. В коридоре он прислонился к стене и закрыл глаза. Картина мира, которую он с таким трудом выстроил за последний год, снова дала трещину. Отец был не просто предателем, разрушившим партнёрство с Воронцовыми. Он был Хранителем — одним из тех, кто давал клятву сохранять историю. И он погиб, пытаясь эту историю защитить.

Или нет? Может быть, он погиб, пытаясь её скрыть? Что,

если Вадим Громов был не героем, а злодеем, которого убили свои же? Что, если правда окажется ещё страшнее, чем ложь?

Он достал телефон и набрал Марину.

— Мара, ты не могла бы приехать? У нас новое дело.

— Какое?

— Кажется, моего отца убили. И это связано с тем, что мы нашли в Куракинских.

В трубке повисла пауза. Потом Марина сказала — тем самым голосом, каким говорила, когда включался следователь:

— Я буду через двадцать минут. Ничего не предпринимай без меня.

Она приехала даже раньше — запыхавшаяся, в наспех накинута пальто, с волосами, ещё влажными после душа. Кирилл ждал её на скамейке у входа в Следственный комитет. Увидев его лицо, она не стала задавать лишних вопросов — просто села рядом и взяла за руку.

— Рассказывай.

И он рассказал. Об анонимном письме, об эксгумации, о том, что отец, возможно, был отравлен. О том, что Братство хранителей замешано в этом деле. О том, что люди, которые это сделали, всё ещё на свободе.

— Я должна увидеть это письмо, — сказала Марина, когда он закончил. — И поговорить с Кузнецовым.

— Ты возьмёшься за это дело?

— Я следователь. Это моя работа.

— Это не просто работа. Это мой отец.

— Я знаю. — Она сжала его руку. — Именно поэтому я должна быть осторожна. Если твоего отца действительно убили — те, кто это сделал, опасны. Очень опасны. Ты должен понимать: когда мы начнём копать, мы можем вскрыть такое, о чём лучше не знать.

— Я понимаю. Но я должен знать правду. Какой бы она ни была.

— Даже если эта правда разрушит всё, что ты знаешь об отце?

— Я уже пережил это однажды. Переживу снова.

Марина кивнула. Она знала, о чём он говорит. Два года назад Кирилл узнал, что его отец приказал убить человека — реставратора Андрея Ларина, отца Марьяны. Что он годами покрывал преступления Завьялова. Что он разрушил партнёрство с Воронцовыми и украл проект «Дом на набережной». Это знание едва не сломало Кирилла. Но он справился — с помощью Марины, с помощью брата, с помощью семьи.

Теперь его ждало новое испытание.

— Хорошо, — сказала Марина. — Тогда начинаем. Первым делом — письмо. Потом — архивы Куракинских. Там есть что-то, что мы пропустили.

— Почему ты так уверена?

— Потому что твой отец был умным человеком. Если он знал, что ему угрожает опасность, он должен был оставить подсказки. Не только письмо. Что-то ещё.

Кирилл посмотрел на неё. Она сидела рядом — собранная, решительная, готовая к бою. И он в очередной раз подумал, как ему повезло. Встретить женщину, которая не бо-

ится идти в самое пекло. Которая готова расследовать убийство его отца — человека, которого она никогда не знала, но о котором слышала много плохого. Которая любит его, несмотря ни на что.

— Спасибо, — сказал он.

— За что?

— За то, что ты здесь.

— Это не работа, — ответила она его же словами. — Это желание.

И они пошли обратно в здание Следственного комитета — вместе, как всегда.

Особняк Куракиных, восточный флигель
Полдень

Марьяна приехала через сорок минут после звонка Веры. Дмитрий, разумеется, с ней — он вообще старался не отпускать её одну, особенно после истории с Левченко и Самойловым. За год, прошедший с их знакомства, он превратился из правой руки Глеба в правую руку Марьяны — и, кажется, был совершенно счастлив.

— Что у вас? — спросила она, входя в тайную комнату и стряхивая снег с воротника.

— Смотри сама, — Вера указала на стеллажи. — Здесь архивы. Сотни документов. Похоже, это было рабочее место — возможно, кого-то из членов Братства. Может быть, даже руководителя московского отделения.

Марьяна подошла к столу и взяла фотографию.

— Третий человек, — сказала она, вглядываясь в лицо. — Ты не знаешь, кто это?

— Нет. Но инициалы — А.К.

— А.К. — Марьяна задумалась. — Это может быть кто угодно. Нужно проверить списки членов Братства, которые мы нашли в Норвегии. Если этот человек был в руководстве, его имя должно быть там.

Она оглядела комнату. Стеллажи, забитые документами. Папки с надписями: «Проекты», «Переписка», «Финансы». Старая пишущая машинка в углу, ещё дореволюционная, с латунными клавишами. Керосиновая лампа. И — на стене — карта. Такая же, какие они находили в других тайниках:

Москва, Пречистенка, Садовое кольцо. Но здесь, в этой комнате, карта была дополнена. Кто-то — возможно, тот самый А.К. — нанёс на неё новые точки. Костромская область, Ярославль, Петербург, Архангельск. И ещё одна точка, далеко на севере — Соловецкие острова.

— Соловки, — прошептала Марьяна. — Мы были в Архангельске, но на Соловках — нет. А ведь там тоже должно быть что-то.

— Соловецкий монастырь, — сказала Вера. — Его строили поколениями. Если Братство существовало с XVII века, они не могли обойти Соловки стороной.

— Значит, нам нужно будет снарядить ещё одну экспедицию.

— Но сначала — разобраться с этим. — Вера обвела рукой комнату. — Здесь годы работы.

— У нас есть команда. Справимся.

Дмитрий, который всё это время молча осматривал стеллажи, вдруг присвистнул.

— Смотрите-ка, что я нашёл.

Он держал в руках папку. На ней было написано: «В. Громов. Личное дело».

— Вадим Громов, — прошептала Марьяна. — Личное дело члена Братства.

— Открывай, — сказала Вера.

Дмитрий открыл папку. Внутри лежали документы: анкета, фотография, какие-то письма. И — завещание. Не то, которое было оглашено после смерти Вадима, а другое. Написанное за месяц до смерти. И в нём — пункт, которого никто никогда не видел:

«В случае моей насильственной смерти прошу Братство провести расследование и привлечь виновных к ответу. Подозреваю, что мне угрожает опасность. Слишком многие хотят, чтобы правда о проекте "Дом на набережной" осталась скрытой. Если со мной что-то случится — ищите в архивах Куракинских. Там я оставил ключ».

— Ключ, — повторила Вера. — Он оставил ключ. Здесь, в этой комнате.

— Но что это за ключ? — спросил Дмитрий. — Физиче-

ский предмет? Или документ?

— Не знаю. Но мы найдём.

Марьяна смотрела на завещание, и в голове у неё крутилась одна мысль: «Вадим Громов знал, что его убьют. И он подготовился. Он оставил подсказки. Теперь наша задача — их расшифровать».

Она достала телефон и набрала Кирилла.

— Кирилл, ты где? Приезжай в Куракинские. Срочно. Мы нашли личное дело твоего отца. И его завещание. Настоящее.

— Какое настоящее? — голос Кирилла дрогнул.

— То, в котором он пишет, что боится за свою жизнь. И оставляет ключ к разгадке.

В трубке повисла пауза. Потом Кирилл сказал:

— Я буду через пятнадцать минут. Со мной Марина.

— Ждём.

Марьяна отключилась и посмотрела на Веру.

— Кажется, у нас новое дело.

— Похоже на то, — Вера вздохнула. — Когда-нибудь мы просто будем реставрировать здания, без всяких тайн и исследований?

— Вряд ли, — улыбнулась Марьяна. — Это же Москва. Здесь под каждым домом — подземный ход.

Дмитрий хмыкнул:

— И под каждым ходом — тайна.

— И под каждой тайной — семья, — добавила Вера.

Они переглянулись. И в этот момент, стоя в тайной комнате особняка Куракиных, окружённые архивами и призраками прошлого, они почувствовали: что-то начинается. Что-то, что перевернёт всё, что они знали о Вадиме Громе. И о самих себе.

Глава 1. Ключ

Особняк Куракиных, тайная комната
Полдень

Кирилл приехал через пятнадцать минут, как и обещал. Марина — с ним. Она была в своём обычном «рабочем» виде: строгий костюм, волосы собраны в хвост, никакой косметики, только цепкий взгляд следователя, который ничего не упускает. Но Кирилл знал: под этой бронёй — женщина, которая час назад держала его за руку на скамейке у Следственного комитета и говорила: «Я с тобой». И это значило больше, чем все улики мира.

В тайной комнате уже собрались все, кто был в Москве: Вера, Матвей, Марьяна и Дмитрий. Глеб и Алиса уехали на выходные в Знаменское-Садки — проверяли ход реставрации. Вероника была с детьми в особняке. Елена Павловна, как всегда, осталась за старшую. Резник, получив срочный звонок от Марины, пообещал подъехать через час.

— Показывайте, — сказал Кирилл, и голос его прозвучал глухо, как будто он говорил сквозь толщу воды.

Марьяна протянула ему папку. На обложке — «В. Громов. Личное дело». Почерк писаря, фиолетовые чернила, уже выцветшие, но разборчивые. Кирилл открыл папку. Первый лист — анкета члена Братства хранителей. Фотография отца — моложе, чем он его помнил. Вадим Громов в тридцать пять: густые тёмные волосы, резкие черты лица, та самая улыбка с ямочками, которую Матвей унаследовал, а Кирилл — нет. Дата вступления: 1989 год. Поручитель: Виктор Воронцов.

— Дед поручился за него, — прошептал Матвей, заглядывая через плечо брата. — Они вместе вступили в Братство. Вместе давали клятву.

— А потом отец его предал, — горько добавил Кирилл. — Предал друга, предал партнёра, предал клятву.

— Не всё так однозначно, — сказала Вера. — Читай дальше.

Кирилл перевернул страницу. Дальше шла записка — написанная от руки, тем самым резким, угловатым почерком, который он знал с детства. Почерк отца.

«Я, Вадим Громов, пишу это в здравом уме и твёрдой памяти. Если кто-то читает эти строки — значит, меня уже нет.

И, скорее всего, меня убили».

Кирилл остановился. Перечитал. Поднял глаза на Веру.

— Он знал. За месяц до смерти он знал, что его могут убить.

— Да. И он оставил ключ. Читай дальше.

«Проект "Дом на набережной" был не просто стройкой. Это был центр. Место, где встречались члены Братства со всей страны. Мы с Виктором задумали его как символ возрождения — после всего, что случилось в XX веке. Но кто-то в Братстве решил, что проект опасен. Что он привлечёт слишком много внимания. Что тайна должна оставаться тайной. Мне угрожали. Я не отступил. Теперь я плачу за это».

Кирилл читал дальше:

«Ключ спрятан в трёх местах. Первое — в особняке Куракиных, где мы впервые встретились с Виктором. Второе — в доме на Пречистенке, где мы вместе работали. Третье — там, где мы мечтали построить будущее. Найдите все три. Сложите вместе. И вы узнаете имена тех, кто стоит за моей смертью — и за многими другими. Простите меня, если сможете. Я любил вас. Вадим».

— Три ключа, — повторил Матвей. — Три места. Как три мачты на корабле Хранителей.

— Как три рода — Шереметевы, Боткины, Свешниковы, — добавила Марьяна. — У них всё было построено на тройках. Это символ.

Кирилл закрыл папку. Руки его дрожали, но он справился. Марина взяла его за локоть — молча, без слов. Он благодарно кивнул.

— Нужно найти эти три ключа, — сказал он. — Первый — здесь, в Куракинских. Второй — на Пречистенке. Третий — «там, где мы мечтали построить будущее». Что это за место?

— Мемориальный сад, — сказал Матвей. — На месте «Дома на набережной». Там, где они с Виктором хотели построить свой главный проект. Там, где теперь растут деревья.

— То есть ключи разбросаны по всем нашим объектам.

— Да. И мы должны найти их раньше, чем это сделает кто-то другой.

— Кто? Кто ещё может их искать?

— Те, кто убил отца, — ответил Кирилл. — Если они ещё живы. Если они всё ещё здесь.

В комнате повисла тишина. Где-то наверху, в реставрируемых залах, стучали молотки — работа не останавливалась ни на день. Особняк Куракиных оживал, и это было прекрасно. Но сейчас, в этой тайной комнате, каждый чувствовал: они стоят на пороге чего-то тёмного. Чего-то, что пряталось под слоями времени, как древняя фреска под побелкой.

— Начнём с Куракинских, — сказала Марьяна. — Ключ где-то здесь. В этой комнате. Или в подземном ходе. Или в ещё одном тайнике, который мы не нашли.

— Комнату мы осмотрели, — заметил Дмитрий. — Документы, книги, пишущая машинка. Но мы не проверяли стены.

— Стены?

— В Боткинских тайник был за фальш-панелью. В Ярославской усадьбе — за печью. В Архангельске — под половицей. Здесь может быть что-то похожее.

Марьяна кивнула.

— Тогда начинаем простукивать стены.

Они разделились. Комната была небольшой, но заставленной — стеллажи, стол, шкаф. Каждый взял себе участок. Простукивали методично, сантиметр за сантиметром, прислушиваясь к звуку. Глухой стук сменялся звонким — и снова глухим. Ничего.

— Может, мы не там ищем? — предположил Матвей. — Может, ключ — это не физический предмет, а документ? Какая-то запись, которую мы пропустили?

— Тогда нам придётся перебрать все бумаги в этой комнате, — сказала Вера. — А их здесь сотни.

Кирилл, который всё это время молча стоял у стены, вдруг сказал:

— Подождите. Отец написал: «Ключ спрятан в трёх местах. Первое — в особняке Куракиных, где мы впервые встретились». Где они впервые встретились?

— В подземном ходе, — ответила Вера. — Там, где мы нашли хранилище. Там, где была печать с шифром.

— Мы там всё обыскали.

— Не всё. — Марьяна вдруг оживилась. — Мы нашли хранилище. Мы нашли печать. Но мы не проверяли стены самого хода. Только комнату.

— Ход длинный, — заметил Дмитрий. — Там десятки метров кладки.

— Значит, нам понадобится время. И оборудование.

— У меня есть георадар, — сказал Матвей. — Тот самый, что мы использовали в Архангельске. Если в стене есть пустоты — он покажет.

— Тогда не будем терять время.

Они вышли из тайной комнаты и направились к входу в подземный ход. Тот самый, что соединял особняк Куракиных с усадьбой Боткиных. Тот самый, который когда-то построили Хранители и который стал началом всего этого расследования.

В ходе было темно и холодно. Фонари выхватывали из мрака старую кирпичную кладку, остатки деревянных креплений, следы копоты на сводах. Марьяна шла первой — она

знала этот ход лучше всех. За ней — Дмитрий с георадаром. Потом Вера, Матвей, Кирилл и Марина.

— Вот здесь, — сказал Матвей, останавливаясь примерно на середине хода. — Прибор показывает пустоту. Небольшую, но глубже, чем кажется.

Дмитрий провёл георадаром вдоль стены.

— Ниша. Примерно сорок на сорок сантиметров. На глубине около полуметра. Кто-то специально заложил её кирпичом.

— Как в Боткинских, — сказала Марьяна. — Там тоже был заложённый проём. За ним — хранилище.

— Здесь не хранилище. Слишком маленькая полость. Скорее — сейф.

— Открывайте.

Дмитрий взял инструменты и начал осторожно разбирать кладку. Кирпичи поддавались легко — видимо, их укладывали наспех, без прочного раствора. Через пятнадцать минут в стене образовался проём. Дмитрий сунул руку внутрь и достал небольшую металлическую шкатулку — похожую на

те, что они находили в других тайниках, но меньше. Совсем маленькую, размером с книгу.

— Открывай, — сказал Кирилл.

Шкатулка открылась без труда — замок был простым, рассчитанным не на защиту от взломщиков, а на сохранность от времени. Внутри лежал предмет, завёрнутый в промасленную ткань.

Марина достала его и развернула. Это был ключ. Самый обычный ключ — старый, латунный, с бородкой сложной формы. И бирка, привязанная к нему бечёвкой. На бирке — надпись: «Первый из трёх. Следующий — там, где свет».

— «Там, где свет», — повторил Матвей. — Это библиотека в особняке на Пречистенке? Там зелёная лампа, которая никогда не гаснет.

— Или оранжерея, — предположила Вера. — Там стеклянный купол. Свет льётся отовсюду.

— Или мемориальный сад, — добавила Марьяна. — Там вообще нет крыши. Только небо.

— Будем проверять по очереди, — сказал Кирилл, беря

ключ. — Сначала — особняк. Там живёт семья. Там архив. Там библиотека. Если ключ там — мы должны найти его как можно скорее.

— А если он в оранжерее? — спросила Марина.

— Значит, проверим и оранжерею. И сад. И всё остальное.

Он сжал ключ в ладони. Холодный металл постепенно нагревался от тепла руки. Кирилл думал об отце. О том, как тот, предчувствуя смерть, спрятал три ключа в трёх местах, чтобы его сыновья — или те, кто придёт после, — нашли правду. Он думал о том, сколько ещё тайн скрыто под московскими особняками. И о том, что теперь он — часть этой истории. Не просто наследник. Хранитель.

— Едем домой, — сказал он. — На Пречистенку.

Особняк Воронцовых, библиотека
Вечер

В библиотеке их уже ждали. Глеб и Алиса, вернувшиеся раньше времени из Знаменского-Садков, сидели у камина. Вероника — с неизменным блокнотом. Андрей Светлов, приехавший на выходные из Твери. Елена Павловна, которая, конечно же, подала чай и пирог, но сама не ушла —

осталась стоять у двери, скрестив руки на груди. Даже маленькая Вера и Анютка, которые должны были давно спать, сидели на диване, завёрнутые в пледы, и смотрели на взрослых широко раскрытыми глазами. Дети чувствовали: происходит что-то важное.

— Рассказывайте, — сказал Глеб.

Кирилл положил на стол ключ. Рядом — папку с личным делом отца. И завещание — то самое, написанное за месяц до смерти.

— Это нашли в тайной комнате Куракинских, — начал он. — Комнату обнаружили сегодня утром. Там архивы Братства за последние пятьдесят лет. И личное дело отца.

Глеб взял завещание. Прочитал. Передал Алисе. Та прочитала и передала Веронике.

— Он знал, — сказал Глеб. — Знал, что его убьют. И оставил ключи.

— Первый ключ мы нашли в подземном ходе, — продолжил Кирилл. — Второй — «там, где свет». Мы думаем, это библиотека. Или оранжерея. Или сад.

— Почему ты думаешь, что это библиотека? — спросила Алиса.

— Потому что здесь зелёная лампа. Которая горит всегда. Даже ночью. Даже когда никого нет.

Глеб посмотрел на лампу. Она действительно горела — как горела все те годы, что он себя помнил. Дед зажигал её, когда работал в архиве. Глеб зажигал её, когда искал правду об отце. Алиса зажигала её, когда чертила планы оранжереи. Вера зажигала, когда изучала старые карты. Марьяна зажигала, когда читала дневник отца. Эта лампа была символом. Сердцем дома. Местом, где свет никогда не гас.

— Проверим, — сказала Вера. — Но как? Где именно в библиотеке может быть тайник?

— За камином, — предположил Матвей. — Там есть пустое пространство. Я помню — когда мы в детстве играли в прятки, Кирилл однажды залез за камин. Помнишь?

Кирилл кивнул.

— Помню. Меня потом час не могли найти. Елена Павловна чуть с ума не сошла.

— Я не чуть, — подала голос Елена Павловна. — Я натурально поседела в тот день. Но факт остаётся фактом: за камином есть ниша. Я сама туда лазила, когда убиралась.

— Почему вы никогда не говорили?

— А вы не спрашивали. И вообще — я думала, это просто архитектурный дефект. Мало ли в старых домах пустот?

Вера уже была у камина. Она опустилась на колени и заглянула за чугунную решётку.

— Здесь действительно пустота. И, кажется, что-то есть. Дмитрий, дай фонарь.

Дмитрий протянул ей фонарь. Вера посветила внутрь.

— Кирпичная кладка. Но свежая. Гораздо свежее, чем сам камин. Кто-то заложил нишу — как в Куракинских.

— Разбирайте, — скомандовал Глеб.

Через полчаса ниша была вскрыта. За кирпичной кладкой обнаружилась металлическая шкатулка — почти такая же, как первая. Внутри — ключ. Точно такой же, латунный, с биркой. Только надпись на бирке была другой: «Второй

из трёх. Последний — там, где мы мечтали построить будущее».

— Мемориальный сад, — сказал Матвей. — Это точно он.

— Третий ключ — там, — подтвердил Кирилл. — На набережной. Где они хотели построить «Дом на набережной». Где сейчас растут деревья.

— Но где именно в саду? — спросила Марьяна. — Сад большой. Там десятки деревьев, клумбы, пруд. Где искать?

— У камня, — сказала Алиса. — У того самого, с памятной табличкой. Там, где они оставили надпись «Друзья навсегда».

— Почему ты так уверена?

— Потому что это сердце сада. Если ваш отец хотел, чтобы ключ нашли, он положил бы его в самом символическом месте.

Кирилл посмотрел на два ключа, лежащие на столе.

— Завтра, — сказал он. — Завтра утром мы поедем в сад. Найдём третий ключ. И узнаем, что отец хотел нам сказать.

— Я с тобой, — сказала Марина.

— Я тоже, — добавил Матвей.

— И я, — сказала Вера.

— И мы, — Марьяна кивнула на Дмитрия.

— Тогда всем спать, — подытожил Глеб. — Завтра трудный день.

Все начали расходиться. Кирилл задержался у стола. Он смотрел на ключи — два латунных кусочка металла, которые могли изменить всё. И на фотографию отца, которую он достал из папки. Вадим Громов смотрел на него с выцветшего снимка — молодой, полный сил, с той самой улыбкой, которую Кирилл так хорошо помнил и так давно не видел.

— Что ты хотел нам сказать, отец? — прошептал он. — Что такого важного, из-за чего тебя убили?

Марина подошла сзади и обняла его.

— Завтра узнаем.

— А если правда окажется хуже, чем мы думаем?

— Тогда мы справимся. Как справлялись со всем остальным.

Он повернулся и поцеловал её.

— Ты — лучшее, что случилось со мной.

— Знаю, — она улыбнулась. — Ты мне уже говорил.

— И скажу ещё много раз.

— Я не против.

Они вышли из библиотеки, держась за руки. На столе остались два ключа, завещание Вадима Громова и зелёная лампа, которая всё так же горела, разгоняя тени прошлого.

Глава 2. Сад

Мемориальный сад, набережная Тараса Шевченко
Следующее утро, 8:00

Рассвет над Москвой-рекой был холодным и ясным. Январский мороз сковал лужи, и снег хрустел под ногами, пока Кирилл, Марина, Вера и Матвей шли по дорожке мемориального сада. Деревья, высаженные три года назад, стояли голые и торжественные, словно почётный караул. Камень в центре сада — тот самый, с памятной табличкой — был припорошён инеем, и буквы на нём читались особенно чётко: «Здесь должны были построить дом. Вместо этого мы построили сад. В память о двух архитекторах, которые мечтали создать красоту. И о дружбе, которая не умерла — она просто ждала своего часа».

Кирилл остановился у камня. Он помнил день открытия сада — помнил, как стоял в стороне, не решаясь подойти ближе. Тогда он ещё не был частью этой семьи. Тогда он ещё считал себя чужим. А теперь...

— Здесь, — сказала Алиса, подходя к камню. Она пришла вместе со всеми — сказала, что как ландшафтный ар-

хитектор лучше знает планировку сада. — Если третий ключ действительно спрятан в саду, то логичнее всего — у камня. Это сердце всего проекта.

— Но камень — это просто камень, — заметил Дмитрий. — Под ним земля, вокруг — гравий. Где здесь можно спрятать тайник?

— Под камнем, — сказала Марьяна. — Помните, как в Боткинских тайник был под старым дубом? Там плита с кольцом. Здесь может быть что-то похожее.

— Давайте проверим, — Матвей уже закатывал рукава. — У меня с собой инструменты.

Они расчистили снег вокруг камня. Гравий, замёрзшая земля. Никаких следов люка или плиты. Только сам камень, массивный, врытый глубоко в землю.

— Может быть, тайник не под камнем, а в камне? — предположила Алиса. — Смотрите: на боковой стороне есть какой-то узор. Я раньше думала, что это просто декоративный элемент. Но теперь...

Она указала на едва заметные линии, выбитые в граните. Они складывались в символ — корабль с тремя мачтами. Тот

самый символ, который Марьяна видела на фреске в Архангельске. Тот самый, что был эмблемой Братства хранителей.

— Это не декорация, — прошептала Марьяна. — Это ключ. В прямом смысле.

— Что ты имеешь в виду?

— Смотрите: корабль. Три мачты. А под ними — три углубления. Как будто сюда нужно что-то вставить.

Кирилл достал из кармана два латунных ключа — те, что они нашли в Куракинских и в библиотеке. Присмотрелся к углублениям. Два из них точно соответствовали форме бородок ключей.

— Здесь не хватает третьего, — сказал он. — Два ключа вставляются, а третий... Мы должны найти третий. Но где?

— Может быть, третий ключ — это и есть разгадка? — предположила Марина. — Может быть, он не физический? Может быть, это документ? Или пароль?

— Или имя, — сказала Вера. — Того, кто стоит за всем этим.

Она наклонилась к камню и провела рукой по выбитому кораблю. Её пальцы нащупали что-то — едва заметную неровность. Она нажала. И часть камня, небольшой квадрат с ладонь размером, отъехал в сторону, открывая нишу. В нише лежала шкатулка — на этот раз не металлическая, а деревянная, обитая бархатом. Очень старая. Очень похожая на те, что они находили в других тайниках.

— Открывай, — сказал Матвей.

Вера осторожно подняла крышку. Внутри лежали документы. Несколько пожелтевших листов, исписанных тем же угловатым почерком. И конверт. На конверте — надпись: «Моим сыновьям. Матвею и Кириллу. Прочтите вместе».

Кирилл взял конверт. Руки его дрожали, но он справился. Разорвал бумагу, достал письмо. И начал читать вслух:

«Матвей и Кирилл. Если вы читаете это — значит, я мёртв. И, скорее всего, умер не своей смертью. Я должен рассказать вам правду. Не ту, которую вы знаете. Не ту, которую я показывал миру. Настоящую».

Кирилл перевёл дыхание и продолжил:

«Я был членом Братства хранителей с 1989 года. Меня

привёл туда Виктор Воронцов — мой лучший друг, мой партнёр, мой брат по духу. Мы вместе давали клятву. Вместе строили. Вместе верили, что историю можно сохранить. Но потом что-то сломалось. Не в нас. В Братстве. Кто-то из руководства решил, что организация стала слишком заметной. Что правительство может заинтересоваться. Что нужно уйти в тень — глубже, чем раньше. Я отказался. Виктор — тоже. Мы считали, что Братство должно выйти из тени. Что настало время открыться. Нас не послушали. Нам угрожали. А потом начали устранять несогласных. Андрей Ларин, реставратор, который нашёл подземный ход в Куракинских, был одним из нас. Он нашёл документы, подтверждающие, что руководство Братства замешано в финансовых махинациях. Он хотел передать их Виктору. Я пытался его защитить. Но меня опередили. Ларина убили. Завьялов, мой начальник службы безопасности, был инструментом. Но за ним стоял другой человек. Человек, которого я считал другом. Человек, который до сих пор жив. Имя его — Аркадий Ковалёв. В Братстве его знали как А.К.».

Кирилл остановился. Вера ахнула.

— А.К., — прошептала она. — Тот самый третий человек на фотографии. Тот, кого мы не могли опознать.

— Ковалёв, — повторил Матвей. — Никогда не слышал

этой фамилии.

— Я тоже, — сказал Кирилл. — Но отец пишет, что он до сих пор жив.

Он продолжил чтение:

«Ковалёв был казначеем Братства. Он управлял финансами. И он использовал их в своих целях. Ларин узнал об этом. Я узнал. Мы оба были обречены. Ларин погиб. Я выжил — но лишь потому, что сделал вид, будто ничего не знаю. Я предал память Ларина, чтобы сохранить себе жизнь. Я предал Виктора, чтобы спасти вас. Я стал тем, кем стал — предателем, разрушителем, — потому что боялся. Боялся за вас. За Матвея. За Кирилла. За Веру, дочь Виктора, которую я любил как родную. Ковалёв сказал: если я не прекращу копать, мои дети пострадают. Я поверил. Я сломался. И я жил с этим грузом до конца своих дней. Но теперь, когда меня не стало, я могу сказать правду. Ковалёв жив. Он всё ещё управляет теневой сетью Братства. Он всё ещё опасен. Найдите его. Остановите его. И закончите то, что мы с Виктором начали. Простите меня, если сможете. Я любил вас больше жизни. Отец».

Тишина. Кирилл опустил письмо. Матвей стоял рядом, стиснув челюсти. Вера вытирала слёзы. Марина сжимала

руку Кирилла. Дмитрий и Марьяна молчали, потрясённые услышанным.

— Ковалёв, — повторил Кирилл. — Мы должны найти его.

— Это будет непросто, — сказала Марина. — Если он управлял теневой сетью и оставался в тени тридцать лет — он знает, как прятаться.

— Но у нас есть его имя. И есть документы. И есть отец, который оставил нам подсказки.

— И есть Резник, — добавил Матвей. — Он уже подключён к делу. Пусть поднимает архивы.

— И есть норвежские документы, — сказала Марьяна. — В реестре Хранителей, который мы нашли в Будё, должно быть упоминание о Ковалёве. Если он был казначеем — его имя не могло не сохраниться.

Кирилл сложил письмо и убрал в конверт.

— Это меняет всё, — сказал он. — Отец не был чудовищем. Он был сломанным человеком, который пытался защитить нас.

— Это не оправдывает того, что он сделал, — возразила Вера. — Ларин погиб из-за его молчания. Мой дед потерял друга из-за его предательства.

— Знаю. — Кирилл посмотрел на неё. — Но теперь мы можем исправить хотя бы часть. Найти Ковалёва. Отдать его под суд. Вернуть честное имя тем, кто погиб.

— Честное имя, — повторила Марьяна. — Мой отец погиб, потому что знал правду. Если мы доведём это дело до конца — он будет отмщён. Не мезтью. Справедливостью.

— Да. Справедливостью.

Они стояли у камня — шестеро людей, связанных общей историей. Вера и Матвей — наследники двух семей, которые когда-то были врагами. Кирилл — сын человека, который предал всех, но в конце попытался искупить вину. Марина — следователь, для которой правда важнее всего. Марьяна и Дмитрий — искатели, нашедшие друг друга. И каждый из них знал: впереди — долгий путь. Но теперь у них была цель.

— Возвращаемся в особняк, — сказал Кирилл. — Нужно рассказать Глебу и Алисе. И позвонить Резнику. И проверить норвежский архив.

— И поднять все документы, которые мы нашли в Куракинских, — добавила Марьяна. — Там сотни папок. Возможно, среди них есть досье на Ковалёва.

— Работы много, — подытожил Дмитрий. — Но это хорошая работа.

— Самая лучшая, — согласилась Марьяна.

Они направились к машинам. Солнце уже поднялось над Воробьёвыми горами, и его лучи золотили снег. Где-то вдалеке шумела Москва. А в мемориальном саду, у камня с выбитым кораблём, осталась лежать пустая шкатулка — ещё одна тайна, раскрытая в этот холодный январский день.

Особняк Воронцовых, библиотека
Час спустя

В библиотеке снова собрались все. Глеб и Алиса слушали рассказ, не перебивая. Вероника, как всегда, рисовала — на этот раз портрет Вадима Громова с той самой фотографии, которую нашли в Куракинских. Андрей Светлов сидел у камина и задумчиво смотрел на огонь. Елена Павловна подала чай и на этот раз осталась — потому что происходящее касалось всех.

— Ковалёв, — произнёс Глеб, когда рассказ был закончен. — Я никогда не слышал этого имени. Дед не упоминал его.

— Никто не упоминал, — сказал Матвей. — Он был тенивым игроком. Казначей. Тот, кто держал в руках финансы и предпочитал оставаться в тени.

— Если он жив — ему должно быть около восьмидесяти. Может быть, больше.

— Значит, его нужно найти как можно скорее. Пока он не ушёл от ответа.

Марина, которая всё это время что-то печатала в телефоне, подняла голову.

— Я отправила запрос Резнику. Он обещал поднять архивы МВД за девяностые годы. Если Ковалёв где-то фигурировал — мы найдём.

— А норвежский архив? — спросила Марьяна.

— Я свяжусь с фру Ларсен сегодня же. Пусть проверит реестр Хранителей.

— И документы из Куракинских, — добавила Вера. — Мы даже не начали их разбирать. А ведь там, возможно, целое досье.

— Значит, план на ближайшие дни, — подытожил Глеб. — Марина и Резник ищут Ковалёва по официальным каналам. Марьяна и Вера разбирают архив Куракинских. Кирилл и Матвей... вы должны быть готовы. Когда мы найдём Ковалёва, вам придётся с ним говорить. Вы — прямые наследники. Вы имеете право.

— Мы готовы, — сказал Кирилл.

Матвей кивнул.

— Тогда за работу.

Архив особняка Куракиных, тайная комната
Два дня спустя

Два дня Марьяна и Вера практически не выходили из тайной комнаты. Они разбирали документы папку за папкой, сортировали, каталогизировали, искали любые упоминания Ковалёва или А.К. Дмитрий помогал — подносил чай, приносил еду, забирал ненужные бумаги. Елена Павловна пере-

давала пироги.

И наконец они нашли.

Это была тонкая папка, спрятанная за другими, более толстыми. На обложке — только инициалы: «А.К.». Внутри — досье на Аркадия Ковалёва. Фотография (та самая, где он стоял рядом с Воронцовым и Громовым), биографическая справка, список финансовых операций. И — самое главное — адрес. Последний известный адрес Ковалёва: Москва, Большая Ордынка, дом 15, квартира 7.

— Он жил в центре, — сказала Марьяна. — Всё это время. В двух километрах от нас.

— Этот адрес может быть устаревшим, — заметила Вера. — Досье датировано девяносто восьмым годом. С тех пор прошло больше двадцати лет.

— Но проверить стоит.

Вера достала телефон и набрала Марину.

— У нас есть адрес. Большая Ордынка, 15. Проверь, живёт ли там кто-то сейчас.

— Поняла. Сделаю запрос.

Через час Марина перезвонила.

— Квартира 7 на Большой Ордынке, 15 зарегистрирована на Ковалёва Аркадия Петровича, 1941 года рождения. Согласно базе ЖКХ, он всё ещё там проживает. Или, по крайней мере, не снимался с регистрации.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.